

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 336.748

doi: 10.34822/2312-3419-2022-4-7-17

АНТИИНФЛЯЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ

Ольга Геннадьевна Аркадьева^{1✉}, Наталия Вячеславовна Березина²

^{1,2} Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

knedlix@yandex.ru ✉

study.2011@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – актуализация представлений об инструментарии антиинфляционного регулирования и механизме его воздействия на социально-экономическое развитие, что позволит разработать рекомендации по повышению эффективности денежно-кредитной политики в условиях глобализации. В ситуации растущего взаимовлияния финансовых, экономических, социальных и экологических проблем, масштабного геополитического конфликта становится очевидной неустойчивость господствующей парадигмы экономического развития, что вынуждает пересматривать инструментарий и методы решения проблемы антиинфляционного регулирования, учитывать последствия применения отдельных инструментов и их сочетаний. Исследован зарубежный опыт применения инструментов антиинфляционного регулирования, выделена специфика российского подхода, рассмотрены страновые особенности антиинфляционного регулирования и обозначены направления совершенствования методов повышения эффективности денежно-кредитной политики с учетом полученных результатов.

В целях выявления закономерностей проявления инфляционных процессов и последствий применения инструментов антиинфляционного регулирования применялись общенаучные и общелогические методы теоретического исследования. Установлено, что современная денежно-кредитная политика должна быть значительно шире, чем чисто монетарное регулирование, а ее методологический аппарат необходимо усовершенствовать путем включения немонетарных методов и обоснования сочетанного применения монетарных и немонетарных методов.

Ключевые слова: инфляция, проинфляционные и дезинфляционные факторы, инструменты регулирования, пандемия COVID-19, методы повышения эффективности денежно-кредитной политики

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке Международного научного фонда экономических исследований академика Н. П. Федоренко. Проект № 2021-132.

Для цитирования: Аркадьева О. Г., Березина Н. В. Антиинфляционное регулирование в условиях воздействия глобальных трендов // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 4 (38). С. 7–17. DOI 10.34822/2312-3419-2022-4-7-17.

Original article

ANTI-INFLATION REGULATION UNDER THE INFLUENCE OF GLOBAL TRENDS

Olga G. Arkadeva^{1✉}, Natalya V. Berezina²

^{1,2} Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary, Russia

knedlix@yandex.ru ✉

study.2011@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to update the ideas about the tools of anti-inflationary regulation and the mechanism of its impact on social and economic development, allowing for the development of rec-

ommendations for improving methods of studying monetary policy in the context of monitoring research trends. Instability of the dominant economic development paradigm is amplified by the increasing interconnection of financial, economic, social, and environmental issues, as well as a large-scale geopolitical dispute, which leads to changing the problem-solving tools and methods for anti-inflation regulation and considering the consequences of applying individual tools and their combinations. The study examines foreign practice in using tools for anti-inflationary regulation, identifies the Russian approach to anti-inflationary regulation, discusses characteristics of anti-inflationary regulation in other countries, and emphasizes directions for improving methods of increasing the effectiveness of monetary policy based on the results obtained.

In the course of the study, general scientific and general logical methods of theoretical research were used to detect patterns in the manifestations of inflationary processes and the consequences of the use of anti-inflationary regulation tools. It was established that modern monetary policy should be much broader than purely monetary regulation, and the improvement of its methodological measurement should be expanded using non-monetary methods and justified by a combination of monetary and non-monetary methods.

Keywords: inflation, pro-inflationary and disinflationary factors, regulatory tools, COVID-19 pandemic, methods to improve the effectiveness of monetary policy

Funding: the article was supported by the Academician Nikolai Fedorenko International Scientific Foundation of Economic Research. Project No. 2021-132.

For citation: Arkadeva O. G., Berezina N. V. *Anti-Inflation Regulation under the Influence of Global Trends // Surgut State University Journal*. 2022. No. 4 (38). P. 7–17. DOI 10.34822/2312-3419-2022-4-7-17.

ВВЕДЕНИЕ

Современное антиинфляционное регулирование, сохраняя ориентацию на управление конкретными процессами социально-экономического развития, в условиях новой реальности выступает одновременно частью политики по трансформации экономических моделей отдельных стран и глобальной экономики в целом. При этом чаще всего оно осуществляется центральными банками, полномочия которых хотя и были существенно расширены в большинстве стран до мегарегуляторных, но деятельность по-прежнему замыкается на финансово-кредитной сфере и не увязана в достаточной степени со структурными изменениями в мировой экономике. Соответственно, в силу разграничения полномочий между органами регулирования денежно-кредитная политика предполагает в основном применение монетарных методов, что уже не отвечает вызовам нового этапа общественно-го развития.

Применение монетарных методов и инструментов антиинфляционного регулирования в условиях глобальных шоков в зависимости от конкретных страновых условий способно не только воздействовать на целевые параметры инфляции, но и в совокупности с методами и инструментами фискальной политики, политики в сфере миграции, заня-

тости, климата и энергетики может дополнительно трансформировать структуру экономики, потребления и структуру занятости. Изменяющаяся структура занятости и массовая тенденция «великого увольнения» в период пандемии COVID-19 [1] и геополитического конфликта 2022 г. в странах, интегрированных в глобальную экономику, сами по себе выступают факторами, провоцирующими инфляцию [2], в отношении которых традиционные инструменты антиинфляционного регулирования могут быть недостаточно эффективны из-за высокой роли импортируемой инфляции [3].

Цель исследования – актуализация представлений об антиинфляционном регулировании и механизме его воздействия на социально-экономическое развитие, что позволит разработать рекомендации по повышению эффективности денежно-кредитной политики в условиях глобализации. В результате растущего взаимовлияния финансовых, экономических, социальных и экологических проблем, масштабного геополитического конфликта становится очевидной неустойчивость господствующей парадигмы экономического развития, что вынуждает пересматривать методы решения проблемы антиинфляционного регулирования, учитывать последствия применения отдельных инстру-

ментов и их сочетаний. Задачу исследования составляет изучение актуального зарубежного опыта по применению инструментов антиинфляционного регулирования, выделение и обозначение специфики российского подхода к антиинфляционному регулированию, сравнительный анализ последствий применения различных инструментов.

Формы проявления и социально-экономические последствия инфляции кардинально отличаются от таковых в предшествующих исторических периодах в силу доминирования глобальных трендов цифровизации, изменения климата, перестроения хозяйственных связей и логистических цепочек. Несмотря на сохранившееся внешнее проявление в росте цен, содержательная суть инфляции различна в экономических, юридических и пространственно-временных границах. В статье Т. Н. Родионовой рассматривается исторический процесс возникновения и развития явления «инфляция», выделены этапы его осмысления представителями разных направлений экономической мысли, обозначены основные школы, исследующие факторы возникновения инфляционных процессов [4]. В практике антиинфляционного регулирования мегарегуляторы в существенной степени опираются на неокейнсианский подход, в котором значительное внимание уделяется рынку труда и структуре занятости, причинам безработицы и ее качественной трансформации.

В предыдущих исследованиях авторов подчеркивалось, что нарастание риска ловушки ликвидности в условиях ставок, близких к нулю, усиливает значение совместной реализации методов монетарной и фискальной политики для сохранения рабочих мест и экономической активности [5]. На практике же методы антиинфляционного регулирования рассматриваются в контексте реализации денежно-кредитной (монетарной) политики, а бюджетное планирование имеет дело с ориентирами и результатами антиинфляционной политики как с внешними фиксированными параметрами, при том что публичный бюджет, как дискретный финансовый механизм с заранее заданными ограничениями по времени существования, должен испытывать особен-

ные потребности в инфляционной переоценке своих показателей [6].

Эффективность монетарных методов в виде действовавшей долгое время политики низких процентных ставок и стимулирования экономики оправдывала себя в социальном ракурсе и в новых экономических реалиях. Исследования подтверждают, что рост ВВП положительно стимулирует продолжительность жизни, а краткосрочное повышение уровня безработицы связано с улучшением здоровья [7]. Таким образом, социальные выплаты, даже ведущие к значительным бюджетным дисбалансам, в развитых экономиках играли защитную роль для качества человеческого капитала во время экономического спада в период пандемии COVID-19.

Мегарегуляторы зарубежных стран долгое время делали ставку на регулирование инфляционных факторов со стороны спроса и полагали, что воздействие на факторы инфляции со стороны предложения контрпродуктивно. При этом политика низких процентных ставок, осуществлявшаяся с ориентацией на вынужденный рост цен на сырье в условиях глобального энергоперехода, в большей степени имела целью сохранение действующей экономической модели и какое-то время могла балансировать разнонаправленные экономические тенденции. Приоритет стимулирования экономического роста и необходимость обеспечения притока дешевых финансовых ресурсов для финансирования экономики и бюджетных дефицитов, разросшихся в период пандемии COVID-19, лишь в 2022 г., в условиях масштабного геополитического конфликта, уступили пальму первенства приоритету контроля инфляционных ожиданий, хотя сберегательная модель потребительского поведения, складывающаяся в Российской Федерации к концу 2022 г, сама по себе провоцирует снижение инфляции.

Щедрые бюджетные расходы не внесли существенного вклада в расширение предложения: страны с большей фискальной поддержкой не имели существенной дифференциации по мобильности промышленных производств. Другими словами, предложение не адаптировалось достаточно быстро,

чтобы удовлетворить резкое увеличение спроса на товары [3].

Пандемийный период характеризовался снижением темпов инфляции, а в ряде стран (Япония, Израиль) – дефляцией. Уже более десяти лет, а в Японии даже дольше, центральные банки в условиях низкой инфляции и опасений по поводу ограничений денежно-кредитной политики из-за выхода на пороговую эффективность номинальных ставок реализовывали стратегии компенсации, но в 2021 г., и особенно в 2022 г., основная задача сместилась в сторону сдерживания всплеска инфляции [8], что обуславливает необходимость актуализации методов и инструментария антиинфляционного регулирования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе работы использовались общенаучные методы теоретического исследования:

- индукции (для наблюдения за применением отдельно взятых методов и инструментов антиинфляционного регулирования и формирования на этой основе гипотез о закономерностях его влияния на социально-экономические процессы в условиях воздействия глобальных трендов);
- дедукции (для распространения общих закономерностей воздействия антиинфляционного регулирования на отдельные сферы социально-экономического развития и дальнейшего формирования рекомендаций по совершенствованию антиинфляционной политики);
- анализа (для выделения и изучения отдельных инструментов антиинфляционного регулирования и методов повышения эффективности денежно-кредитной политики);
- синтеза (для формирования целостного представления об антиинфляционной и денежно-кредитной политике в целом в условиях воздействия глобальных трендов).

Авторами было осуществлено наблюдение за инфляционными процессами и использованием методов и инструментов антиинфляционного регулирования в разных странах; проведено сравнение, направленное на выявление схожих и различных черт в последствиях их применения. Для фиксации результатов и формирования ключевых характери-

стик, определяющих последствия применения методов и инструментов антиинфляционного регулирования, использован метод описания.

Также применялись общелогические методы исследования – абстрагирование, обобщение, идеализация, аналогии – в целях установления закономерностей инфляционных процессов и последствий применения методов и инструментов антиинфляционного регулирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В 2022 г. инфляция ускорилась во всем мире, при этом ее темпы были в разной степени приемлемыми для национальных экономик стран мира. Трансформация глобальной экономической модели в 2022 г. во многом была вызвана накопившимся экономическим дисбалансом, поскольку фактически решения Федеральной резервной системы (далее – ФРС) США в сфере денежно-кредитной политики вызывали значительную взаимозависимость деловых циклов в странах с развитой экономикой [9]. Исследователи утверждают, что денежно-кредитная политика ФРС США влияет на цены на продукты питания во всем мире и может в широком смысле повлиять на частоту голодных беспорядков и других социальных конфликтов [10]. При этом внутренняя инфляция в США сильно коррелирует с глобальной в краткосрочной и долгосрочной перспективе [11]. В период пандемии COVID-19 такое положение экономического гегемона позволило, преследуя цели внутренней политики, производить беспрецедентные вливания денежных средств для поддержки населения и бизнеса, разогнавшие в дальнейшем и внутреннюю, и глобальную инфляцию (рис. 1).

Всплеск инфляции во многих странах мира и фискальные стимулы, предоставленные во время пандемии, возродили интерес к анализу потенциальной роли крупных бюджетных расходов как движущей силы роста цен. Во время кризиса COVID-19 фискальные стимулы поощряли потребление товаров без какого-либо заметного влияния на производство, увеличивая давление избыточного спроса на эффективных рынках. В результате фис-

кальная поддержка способствовала ценовой напряженности. Страны с большими фискальными стимулами или с высокой подверженностью внешним стимулам через международную торговлю испытали более сильные

всплески инфляции. Налогово-бюджетное стимулирование США во время пандемии способствовало увеличению инфляции примерно на 2,5 процентных пункта в США и на 0,5 п. п. в Соединенном Королевстве [3].

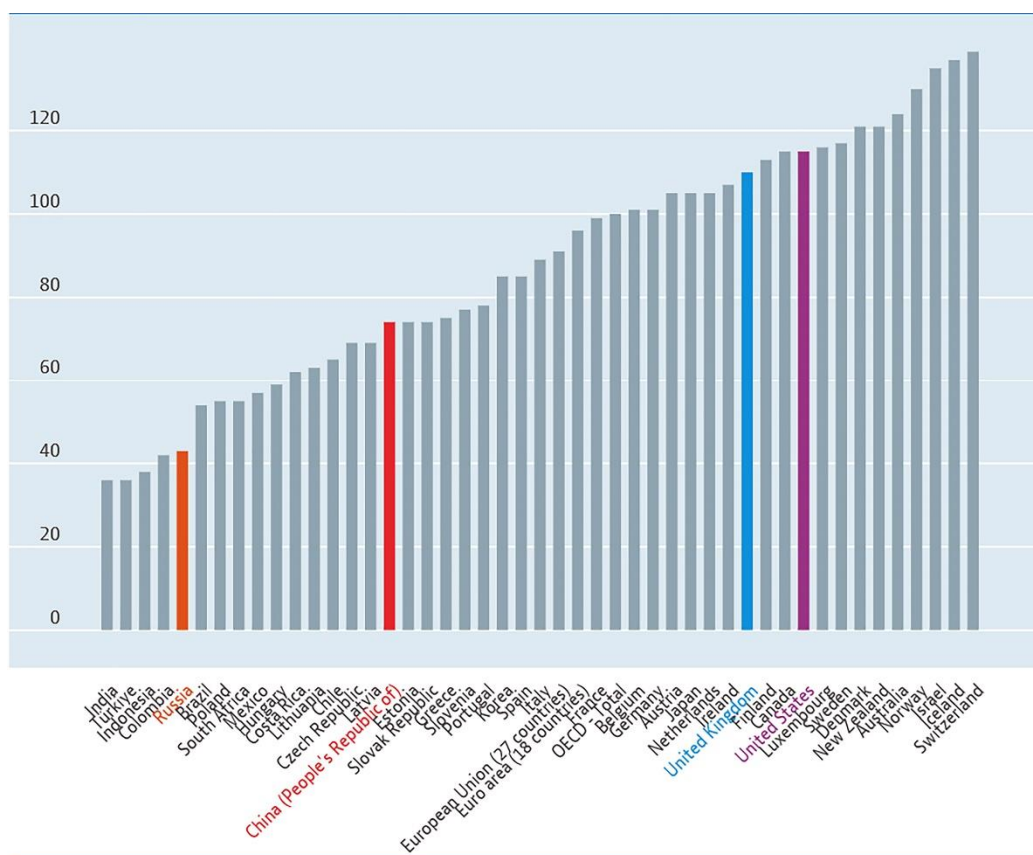

Рис 1. Сравнительные индексы цен в 2017–2021 гг.

Примечание: приведено авторами по данным [12].

Европейский союз проводит относительно монолитную денежно-кредитную политику, а значит, таким же образом осуществляет и антиинфляционное регулирование, поскольку помимо проблемы поддержания экономического роста решает проблему избегания суверенных дефолтов. Введение программы прямых монетарных операций ЕЦБ и его программ покупки суверенных облигаций создало прочную связь между денежно-кредитной и налогово-бюджетной политикой в Евросистеме. Денежно-кредитная политика ЕЦБ улучшила устойчивость бюджетного долга и снизила вероятность суверенного дефолта [13], но ограничила набор монетарных методов, а вернее, привела к пределу эффективности их использования. В дополнение к исчерпанию

возможностей монетарных методов в 2022 г. Европа испытывает кризис из-за притока мигрантов, что вынуждает органы регулирования пересматривать денежно-кредитную политику, в том числе в целях регулирования социально-экономического развития. По данным исследований, иммиграция может объяснить значительную часть наблюдаемого относительного снижения уровня жизни коренных жителей из низшего класса [14].

Мегарегуляторы развитых стран концентрируются на сдерживании инфляционных ожиданий, в то время как исследования в развивающихся странах, например в Индии, фиксируют отсутствие причинно-следственной связи между инфляционными ожиданиями и снижением инфляции [15].

Новая реальность изменила вектор антиинфляционного регулирования в РФ, но не суть применяемых подходов, поскольку задача деятельности Центрального банка РФ сводится к стабильности монетарных факторов функционирования экономики. Регулирование внешней инфляции получило поддержку через новые формы взаимодействия по вопросам энергетики со странами Европы, по-

скольку Россия, выступая экспортером углеводородных ресурсов и контролируя валютные параметры внешних и внутренних расчетов, может частично нивелировать воздействие внешних факторов. Такой подход работает в силу того, что в нашей стране исключительно низкая доля влияния энергетической составляющей в совокупной инфляции (рис. 2).

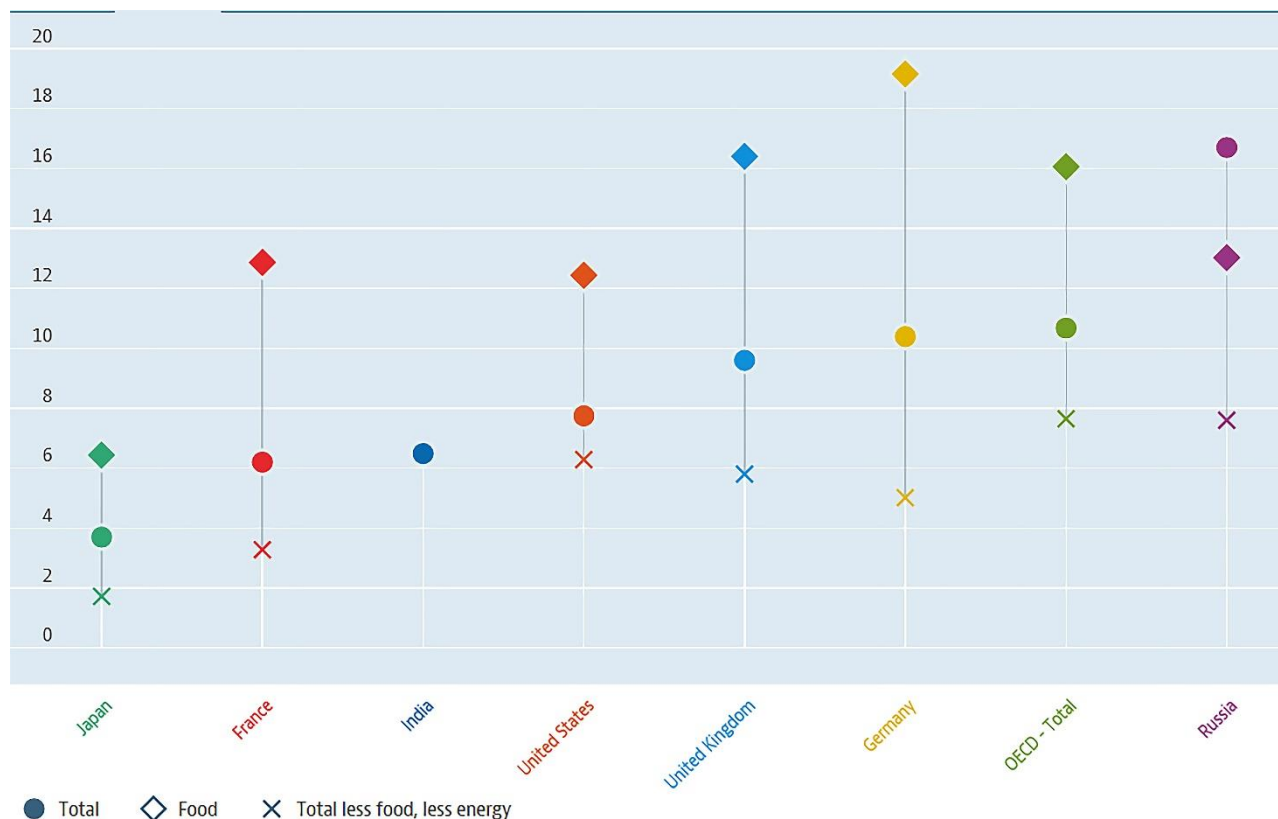

Рис. 2. Страновая дифференция индексов потребительских цен в разрезе отдельных составляющих в 2022 г.

Примечание: приведено авторами по данным [12].

Закрытость экономики, обусловленная санкциями извне и формируемая переориентацией на сотрудничество с азиатскими странами, может иметь неожиданную экономическую целесообразность в постпандемийный период. Так, по результатам исследований негативное и существенное влияние на состояние торговли оказывают инфекционные заболевания, но более интенсивно в развитых странах, чем в развивающихся [16].

Все вышесказанное приводит к выводу о необходимости пересмотра методов и инструментов антиинфляционного регулирования,

а также моделей прогнозирования инфляции с использованием традиционных подходов к ее определению. Хотя необходимость изучения влияния немонетарных факторов назрела, влияние таких факторов, как миграция, занятость, климатические изменения и сдвиги в энергетической модели экономики, обычно не учитывалось. Наряду с мегарегуляторами, разрабатывающими национальные модели прогнозирования инфляции [17], многие отечественные и зарубежные исследователи пытались строить расширенные модели, общей целью формирования которых высту-

пало определение возможностей предсказания темпов инфляции в будущих периодах. Так, в работе G. M. Sarogale исследуется долгосрочная зависимость темпов инфляции в странах «Большой семерки» с января 1973 г. по март 2020 г., и между странами обнаруживаются значительные различия, что автор связывает с репутацией и доверием к органам денежно-кредитного регулирования [18]. Стоимостной канал Z. Kantur увязывает с соотношением Филлипса и доказывает, что в Турции нестоимостные детерминанты инфляции – доля труда в доходах, цены на импортные ресурсы и потребительские товары – доминируют в канале затрат [19]. Исследования инфляции в Индии демонстрируют отсутствие причинно-следственной связи между денежной массой и заработной платой в сельском хозяйстве и инфляцией цен на продовольствие в краткосрочной перспективе [20].

Макроэкономические шоки демонстрируют слабые места моделей, которые могут быть вполне хороши в периоды стабильности, когда монетарные индикаторы предсказуемы и действительно тесно связаны с инфляцией. Так, Т. Карамян на примере Республики Армении проводит оценку базовой инфляции с помощью фильтра Калмана с соответствующими критериями эффективности и сравнивает результаты с официально опубликованной базовой инфляцией, которая рассчитывается с помощью «сезонного исключения и корректировки на внешние шоки» и простого метода «сезонного исключения». Индикатор базовой инфляции, отфильтрованный

Калманом, тесно связан с денежными агрегатами и процентными ставками и соответствует фактическим тенденциям инфляции [21]. П. Бауэр демонстрирует применение математической приближенной динамической факторной модели (DFM-модели) для расчета показателя трендовой инфляции в Республике Беларусь и использует результаты расчета для анализа и прогнозирования инфляции [22]. Гибридную модель прогнозирования инфляции, в которой объединены эконометрическая и нейросетевая модели, формирует Е. В. Балацкий. При этом в качестве объясняющих переменных используются как переменные факторы, так и рыночные маркеры роста индекса потребительских цен [23].

Пандемия COVID-19 и геополитический конфликт 2022 г. вносят сомнения в реалистичность прогнозных результатов разработанных моделей в условиях новой реальности. Согласно положениям неокейнсианского течения, выступающего основой денежно-кредитного регулирования, качественные сдвиги в рынке труда способны исказить результаты прогнозирования, основанного на монетарных и отдельных социально-экономических переменных. Так, исследования установили сильную и положительную связь между долей наемных работников, увольняющихся с работы (коэффициент увольнения), и уровнем инфляции заработной платы и цен [1]. Энергетический кризис 2022 г., подобно кризисам 1973 г. и 1979 г., стал одним из ключевых факторов, провоцирующих инфляцию (рис. 3).

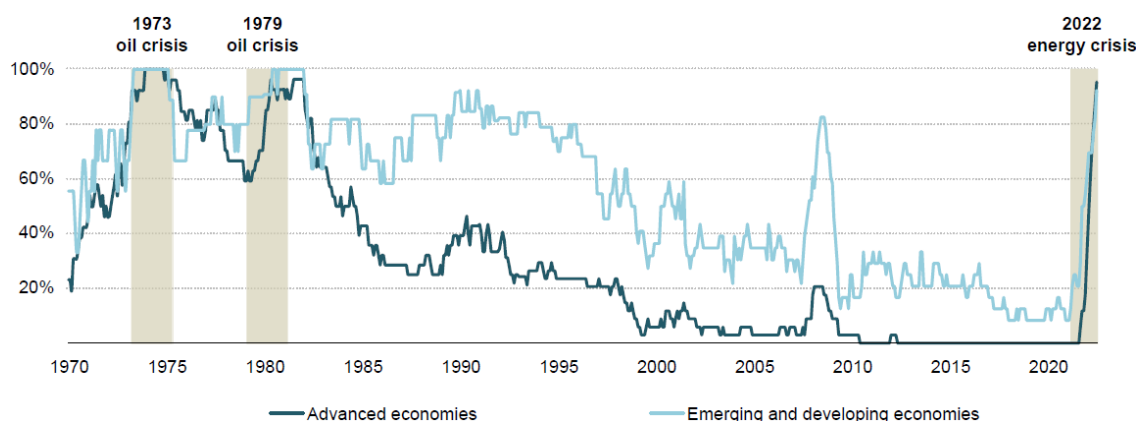

Рис. 3. Процент стран с годовой инфляцией выше 6 %
Примечание: приведено авторами по данным [24].

Таким образом, в новых экономических условиях одно лишь предложение денежной массы и монетарные факторы в целом не могут однозначно выступать центром, провоцирующим и определяющим инфляцию. К примеру, О. Н. Афанасьева проводит исследование зависимости между денежной массой и индексом потребительских цен (далее – ИПЦ) по всем группам товаров и выявляет наличие трех сценариев управления. Первый сценарий подразумевает, что изменение денежной массы определяет изменение ИПЦ с нарушениями реакции на управление в отдельные периоды; второй – отсутствие реакции на управляющее воздействие; третий – переходный. Первый сценарий управления денежной массой как инструментом денежно-кредитной политики с целью воздействия на макроэкономическую цель «инфляция» представлен в таких странах, как Россия, США, Бразилия, Норвегия, Индия, Китай; второй – Германия и Япония; третий наблюдается в Дании [25].

С одной стороны, обобщение результатов исследования свидетельствует о высокой роли немонетарных факторов, которые не всегда учитываются экономико-математическими моделями. С другой – можно утверждать, что сам современный методологический аппарат не в полной мере соответствует новому содержанию инфляции, а методики расчета индексов цен не успевают за изменениями в структуре стоимости и потребления. Так, К. Н. К. Вику утверждает, что не во всех странах Экономического сообщества западноафриканских государств (далее – ЭКОВАС) ИПЦ в полной мере отражает инфляцию, несмотря на то что методология его расчета практически одинакова для всех стран сообщества [26]. К тому же в период трансформации экономических моделей и высокой роли политических факторов результаты измерения темпов инфляции становятся объектом ограничительной информационной политики, что снижает доверие общества, прошедшего становление в эпоху прозрачности и высокой роли информации.

Следовательно, находят подтверждение результаты исследований о неравенстве воз-

можностей центральных банков развитых стран, стран с формирующимся рынком и развивающихся стран по применению инструментов денежно-кредитной политики [27]. Глубинной причиной возникновения современной инфляции исследователи называют наличие устойчивого макроэкономического дисбаланса между совокупным спросом и совокупным предложением [28]. В силу неравномерности распространения влияния глобальных трендов в национальных экономиках воздействие исключительно на факторы спроса неэффективно; Российская Федерация сохраняет в краткосрочной перспективе устойчивость экономики и снижает инфляцию за счет изменения форм взаимодействия в экономике и воздействия на факторы предложения. Такая модель требует повышенного внимания к рынку труда и структуре занятости, изучения элементов политики занятости в составе денежно-кредитной политики.

Избыточная инфляция в значительной степени коррелирует с внутренними фискальными стимулами каждой страны, а также с воздействием иностранных фискальных стимулов. Взятые отдельно или в сочетании с внутренним бюджетным стимулированием как вертикальные (реакции на меры других стран), так и горизонтальные (реакции на меры третьих стран) воздействия внешних стимулов в значительной степени коррелируют с внутренней избыточной инфляцией, которая тесно связана с агрегированным показателем странового риска [3]. Одновременно следует учитывать, что влияние импортных цен на инфляционные риски кратковременно, в то время как влияние реальных государственных расходов и целенаправленных затрат на рабочую силу сохраняется в среднесрочной перспективе. Эти результаты также показывают, что временная структура влияния на инфляционные риски различается в зависимости от задействованного инструмента антиинфляционного регулирования [2]. Таким образом, обоснованное сочетание монетарных и немонетарных методов может способствовать повышению эффективности денежно-кредитной политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования последствий применения методов и инструментов антиинфляционного регулирования в условиях воздействия глобальных трендов противоречивы. Долгосрочные тренды демонстрируют устойчивость положений кейнсианской теории, но период 2020–2022 гг. демонстрирует экстремальные проявления социально-экономических явлений, интенсивность влияния которых раньше не могла учитываться в таких объемах. В дополнение к влиянию факторов глобального характера в Российской Федерации отмечается влияние как проинфляционных, так и дезинфляционных факторов: с одной стороны, денежная масса в России в 2022 г. выросла рекордными темпами за десять лет, возобновился рост цен наименее эластичных по цене товаров и услуг потребительской корзины; с другой – ослабился эффект переноса от укрепления рубля, усиливается влияние снижения ключевой ставки. Нарушение логистических цепочек и разрыв прежних экономических связей, формирование ажиотажного спроса на товары долгосрочного пользования формируют

инфляционные всплески. В таких условиях меняется само качество инфляции, переходя из производной стоимости заимствования средств по регулируемым процентным ставкам в производную активности экономических субъектов и возможности их полноценного функционирования. При этом на первый план выходят не столько монетарные, сколько фискальные инструменты для нивелирования краткосрочных всплесков инфляции, а также инструменты регулирования занятости и поддержки бизнеса для обеспечения платежеспособного спроса и устойчивого предложения.

Таким образом, современная денежно-кредитная политика должна быть значительно шире, чем чисто монетарное регулирование, а совершенствование ее методологического аппарата должно быть расширено на немонетарные сферы. Необходим пересмотр самой парадигмы потребления ключевых ресурсов, что выходит за пределы полномочий соответствующих регуляторов и требует стратегически продуманных решений, учитывающих реальность нового энергоперехода, мировой миграции и тенденций на рынке труда.

Список источников

1. Faccini R., Melosi L., Miles R. The Effects of the “Great Resignation” on Labor Market Slack and Inflation // Chicago Fed Letter. 2022. No. 465. DOI 10.21033/cfl-2022-465.
2. Makabe Y., Norimasa Y. The Term Structure of Inflation at Risk: A Panel Quantile Regression Approach. Tokyo : Bank of Japan, 2022.
3. De Soyres F., Santacreu A. M., Young H. Fiscal Policy and Excess Inflation during COVID-19: A Cross-Country View // FEDS Notes. Washington : Board of Governors of the Federal Reserve System, 2022. DOI 10.17016/2380-7172.3083.
4. Родионова Т. Н. Явление инфляции в исследованиях ученых-экономистов // Учен. зап. Санкт-Петербург. им. В. Б. Бобкова фил. Российской тамож. акад. 2021. № 1 (77). С. 68–73.
5. Arkadeva O., Berezina N., Arkadev M. Inflation Targeting under Global Trends Exposure // Ensuring the Stability and Security of Socio-Economic Systems: Overcoming the Threats of the Crisis Space : Proceedings of the International Research-to-Practice Conference – SES, Kirov, June 17–18, 2021. Kirov, 2022. P. 33–37. DOI 10.5220/0010682000003169.
6. Аркадьева О. Г. Роль инфляции в бюджетном планировании // Устойчивое развитие: исследо-

References

1. Faccini R., Melosi L., Miles R. The Effects of the “Great Resignation” on Labor Market Slack and Inflation // Chicago Fed Letter. 2022. No. 465. DOI 10.21033/cfl-2022-465.
2. Makabe Y., Norimasa Y. The Term Structure of Inflation at Risk: A Panel Quantile Regression Approach. Tokyo : Bank of Japan, 2022.
3. De Soyres F., Santacreu A. M., Young H. Fiscal Policy and Excess Inflation during COVID-19: A Cross-Country View // FEDS Notes. Washington : Board of Governors of the Federal Reserve System, 2022. DOI 10.17016/2380-7172.3083.
4. Rodionova T. N. The Inflation Phenomenon in Academic Economists Research Papers // Scientific Letters of Russian Customs Academy St.-Petersburg Branch named after Vladimir Bobkov. 2021. No. 1 (77). P. 68–73. (In Russian).
5. Arkadeva O., Berezina N., Arkadev M. Inflation Targeting under Global Trends Exposure // Ensuring the Stability and Security of Socio-Economic Systems: Overcoming the Threats of the Crisis Space : Proceedings of the International Research-to-Practice Conference – SES, Kirov, June 17–18, 2021. Kirov, 2022. P. 33–37. DOI 10.5220/0010682000003169.

- вания, инновации, трансформация : материалы XVIII Междунар. конгресса с элементами науч. шк. для молодых ученых. М. : Москов. ун-т им. С. Ю. Витте, 2022. С. 1049–1054.
7. Predkiewicz P., Bem A., Siedlecki R., Kowalska M., Robakowska M. An Impact of Economic Slowdown on Health. New Evidence from 21 European Countries // BMC Public Health. 2022. Vol. 22. P. 1405. DOI 10.1186/s12889-022-13740-6.
8. Walsh C. E. Inflation Surges and Monetary Policy. Tokyo : Bank of Japan, 2022. 29 p. URL: https://people.ucsc.edu/~walshc/MyPapers/Walsh_Inflation_Surges_IMES_DP_22-E-12.pdf (дата обращения: 30.10.2022).
9. Balcilar M., Demirer R. U. S. Monetary Policy and the Predictability of Global Economic Synchronization Patterns // Journal of Economics and Finance. 2022. Vol. 46. P. 473–492. DOI 10.1007/s12197-022-09577-9.
10. Koren O., Winecoff W. K. U. S. Federal Reserve Policies Can Cause Political Instability by Raising Bread Prices // Food Security. 2022. DOI 10.1007/s12571-022-01300-0.
11. Guirguis H., Dutra V. B., McGreevy Z. The Impact of Global Economies on US Inflation: A Test of the Phillips Curve // Journal of Economics and Finance. Vol. 46. P. 575–592. DOI 10.1007/s12197-022-09583-x.
12. OECD-2022. Inflation Forecast (Indicator). DOI 10.1787/598f4aa4-en. (дата обращения: 30.10.2022).
13. Whelan K. The Past, Present and Future of Euro Area Monetary-Fiscal Interactions // International Economics and Economic Policy. 2022. Vol. 19. P. 557–579. DOI 10.1007/s10368-022-00531-y.
14. Hoen M. F., Markussen S., Røed K. Immigration and Economic Mobility // J Popul Econ. 2022. Vol. 35. P. 1589–1630. DOI 10.1007/s00148-021-00851-4.
15. Balakrishnan P., Parameswaran M. What Lowered Inflation in India: Monetary Policy or Commodity Prices? // Ind Econ Rev. 2022. Vol. 57. P. 97–111. DOI 10.1007/s41775-022-00134-z.
16. Ismahene Y. Infectious Diseases, Trade, and Economic Growth: A Panel Analysis of Developed and Developing Countries // J Knowl Econ. 2022. Vol. 13. P. 2547–2583. DOI 10.1007/s13132-021-00811-z.
17. Giovanni J. di, Kalemli-Özcan Ş., Silva A., Yıldırım M. A. Global Supply Chain Pressures, International Trade, and Inflation // Challenges for Monetary Policy in a Rapidly Changing World : ECB Forum on Central Banking, Sintra, Portugal, June 27–29, 2022. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/conferences/html/20220627_ecb_forum_on_central_banking.en.html (дата обращения: 30.10.2022).
18. Caporale G. M., Gil-Alana L. A., Poza C. Inflation in the G7 Countries: Persistence and Structural Breaks // J Econ Finan. 2022. Vol. 46. P. 493–506. DOI 10.1007/s12197-022-09576-w.
19. Kantur Z., Ozcan G. Dissecting Turkish Inflation: Theory, Fact and Illusion // Econ Change Restruct. 2022. Vol. 55. P. 1543–1553. DOI 10.1007/s10644-021-09357-1.
6. Arkadeva O. G. The Role of Inflation in Budget Planning // Ustoichivoe razvitie: issledovaniia, innovatsii, transformatsii : Proceedings of the XVIII International Congress Including Science School for Young Scientists. Moscow : S. Yu. Vitte Moscow University, 2022. P. 1049–1054. (In Russian).
7. Prędkiewicz P., Bem A., Siedlecki R., Kowalska M., Robakowska M. An Impact of Economic Slowdown on Health. New Evidence from 21 European Countries // BMC Public Health. 2022. Vol. 22. P. 1405. DOI 10.1186/s12889-022-13740-6.
8. Walsh C. E. Inflation Surges and Monetary Policy. Tokyo : Bank of Japan, 2022. 29 p. URL: https://people.ucsc.edu/~walshc/MyPapers/Walsh_Inflation_Surges_IMES_DP_22-E-12.pdf (accessed: 30.10.2022).
9. Balcilar M., Demirer R. U. S. Monetary Policy and the Predictability of Global Economic Synchronization Patterns // Journal of Economics and Finance. 2022. Vol. 46. P. 473–492. DOI 10.1007/s12197-022-09577-9.
10. Koren O., Winecoff W. K. U. S. Federal Reserve Policies Can Cause Political Instability by Raising Bread Prices // Food Security. 2022. DOI 10.1007/s12571-022-01300-0.
11. Guirguis H., Dutra V. B., McGreevy Z. The Impact of Global Economies on US Inflation: A Test of the Phillips Curve // Journal of Economics and Finance. Vol. 46. P. 575–592. DOI 10.1007/s12197-022-09583-x.
12. OECD-2022. Inflation Forecast (Indicator). DOI 10.1787/598f4aa4-en. (accessed: 30.10.2022).
13. Whelan K. The Past, Present and Future of Euro Area Monetary-Fiscal Interactions // International Economics and Economic Policy. 2022. Vol. 19. P. 557–579. DOI 10.1007/s10368-022-00531-y.
14. Hoen M. F., Markussen S., Røed K. Immigration and Economic Mobility // J Popul Econ. 2022. Vol. 35. P. 1589–1630. DOI 10.1007/s00148-021-00851-4.
15. Balakrishnan P., Parameswaran M. What Lowered Inflation in India: Monetary Policy or Commodity Prices? // Ind Econ Rev. 2022. Vol. 57. P. 97–111. DOI 10.1007/s41775-022-00134-z.
16. Ismahene Y. Infectious Diseases, Trade, and Economic Growth: A Panel Analysis of Developed and Developing Countries // J Knowl Econ. 2022. Vol. 13. P. 2547–2583. DOI 10.1007/s13132-021-00811-z.
17. Giovanni J. di, Kalemli-Özcan Ş., Silva A., Yıldırım M. A. Global Supply Chain Pressures, International Trade, and Inflation // Challenges for Monetary Policy in a Rapidly Changing World : ECB Forum on Central Banking, Sintra, Portugal, June 27–29, 2022. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/conferences/html/20220627_ecb_forum_on_central_banking.en.html (accessed: 30.10.2022).
18. Caporale G. M., Gil-Alana L. A., Poza C. Inflation in the G7 Countries: Persistence and Structural Breaks // J Econ Finan. 2022. Vol. 46. P. 493–506. DOI 10.1007/s12197-022-09576-w.

20. Samal A., Ummalla M., Goyari P. The Impact of Macroeconomic Factors on Food Price Inflation: An Evidence from India // *Futur Bus. J.* 2022. Vol. 8. P. 15. DOI 10.1186/s43093-022-00127-7.
21. Karamyan T., Karamyan D. Core Inflation and Kalman Filter // *Scientific Artsakh.* 2020. No. 2 (5). P. 256–266.
22. Бауэр П. Расчет показателя трендовой инфляции в Республике Беларусь с помощью DFM-модели для анализа и прогнозирования инфляции // *Банков. вестн.* 2021. № 5 (694). С. 10–20.
23. Балацкий Е. В., Екимова Н. А., Юревич М. А. Краткосрочное прогнозирование инфляции на основе маркерных моделей // *Проблемы прогнозирования.* 2019. № 5 (176). С. 28–40.
24. World Energy Outlook-2022. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022> (дата обращения: 30.10.2022).
25. Афанасьева О. Н. Денежно-кредитная политика: денежная масса и инфляция в различных странах // *Экономика устойчивого развития.* 2022. № 1 (49). С. 112–117. DOI 10.37124/20799136_2022_1_49_112.
26. Вику К. Н. К. Теоретические основы измерения инфляции в странах ЭКОВАС // *Вестн. Рос. ун-та кооперации.* 2022. № 1 (47). С. 22–27.
27. Мирончик Н., Демиденко М., Щерба Е. Расширение балансов центральных банков и инфляция: выводы для монетарной политики // *Банков. вестн.* 2021. № 4 (693). С. 3–12.
28. Великороссов В. В., Коречков Ю. В., Неклюдов В. А. Инфляция: политэкономическая природа, причины и последствия // *Теорет. экономика.* 2021. № 1 (73). С. 11–18.
19. Kantur Z., Ozcan G. Dissecting Turkish Inflation: Theory, Fact and Illusion // *Econ Change Restruct.* 2022. Vol. 55. P. 1543–1553. DOI 10.1007/s10644-021-09357-1.
20. Samal A., Ummalla M., Goyari P. The Impact of Macroeconomic Factors on Food Price Inflation: An Evidence from India // *Futur Bus J.* 2022. Vol. 8. P. 15. DOI 10.1186/s43093-022-00127-7.
21. Karamyan T., Karamyan D. Core Inflation and Kalman Filter // *Scientific Artsakh.* 2020. No. 2 (5). P. 256–266.
22. Bauer P. Calculation of Indicator of the Trend Inflation in the Republic of Belarus with DFM-Model for Analysis and Forecast of Inflation // *Bankov. vestn.* 2021. No. 5 (694). P. 10–20. (In Russian).
23. Balatsky E. V., Ekimova N. A., Yurevich M. A. Short-Term Inflation Projection Based on Marker Models // *Problemy prognozirovaniia.* 2019. No. 5 (176). P. 28–40. (In Russian).
24. World Energy Outlook-2022. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022> (accessed: 30.10.2022).
25. Afanaseva O. N. Monetary Policy: Money Supply and Inflation in Various Countries // *Economics of Sustainable Development.* 2022. No. 1 (49). P. 112–117. DOI 10.37124/20799136_2022_1_49_112. (In Russian).
26. Vikou K. N. K. The Theoretical Foundations of Measuring Inflation in the ECOWAS Countries // *Vestn. Ros. un-ta kooperatsii.* 2022. No. 1 (47). P. 22–27. (In Russian).
27. Mironchik N., Demidenko M., Shcherba E. Central Banks' Balances Expansion and Inflation: Conclusions for the Monetary Policy // *Bankov. vestn.* 2021. No. 4 (693). P. 3–12. (In Russian).
28. Velikorossov V. V., Korechkov Yu. V., Neklyudov V. A. Inflation: Political and Economic Nature, Causes and Consequences // *Teoret. ekonomika.* 2021. No. 1 (73). P. 11–18. (In Russian).

Информация об авторах

О. Г. Аркадьева – кандидат экономических наук, доцент.

Н. В. Березина – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

O. G. Arkadeva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor.

N. V. Berezina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor.